

В. Г. Ананьев

В. Т. ГЕОРГИЕВСКИЙ ОБ ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ЦЕРКОВНОЙ СТАРИНЫ: ПРОЕКТ 1917 ГОДА

Сохранение церковного наследия было одной из актуальнейших проблем в сфере музейного дела и охраны памятников России рубежа XIX–XX вв. Этот вопрос неоднократно обсуждался на специализированных и профессиональных форумах, съездах археологов и художников, музейных деятелей. Его специфика в контексте общей памятникоохранительской деятельности была связана с отношениями Церкви и государства, поэтому нестранно, что особое значение он приобретал именно в моменты революционных преобразований, когда и эти отношения также подвергались трансформации. В литературе уже характеризовались проекты и практики музеефикации движимого и недвижимого церковного наследия в первые послереволюционные годы¹. В настоящей публикации я бы хотел обратить внимание на источник, связанный с рассмотрением данного вопроса непосредственно в момент революционных перемен – весны–лета 1917 г. Это доклад В. Т. Георгиевского «Мероприятия по охране памятников церковного искусства и положение провинциальных церковно-археологических музеев», подготовленный в рамках работы комиссии по разработке проекта Министерства искусств, действовавшей при Институте истории искусств (Петроград) в марте – июне 1917 г.

Обстоятельства создания комиссии и основные результаты ее работы уже были охарактеризованы мною ранее². Здесь целесообразно ограничиться лишь кратким

¹ *Каулен М. Е.* Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. М., 2001; *Ананьев В. Г.* Проект создания церковного музея на первой всероссийской конференции по делам музеев 1919 г.: К истории взаимоотношений музея и Церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 2. С. 126–132; *Пивоварова Н. В.* Памятники церковной старины в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Из истории формирования музейных коллекций: 1850–1930-е гг. М., 2014; *Любезников О. А.* Исаакиевский собор в 1917–1920-е гг. Архитекторы М. Т. Преображенский, Н. П. Никитин, А. П. Удаленков и проблема музеефикации памятника. СПб., 2017.

² *Ананьев В. Г.* Институт истории искусств как центр музееведческой мысли Петрограда–Ленинграда конца 1910-х – 1920-х гг. СПб., 2001. С. 22–155.

описанием контекста. 7 марта 1917 г. в петроградском Институте истории искусств (далее – Институт), основанном графом В. П. Зубовым и по имени создателя часто именовавшимся Зубовским, было созвано Собрание деятелей искусства и науки по вопросу об организации ведомства искусств. С центральным докладом выступил один из основоположников научного изучения истории Санкт-Петербурга В. Я. Курбатов, тесно связанный в этот период с Институтом. Создание самостоятельного ведомства искусств признавалось в докладе «безусловной государственной необходимостью». В его ведении, среди прочего, должны были находиться «забота о существующих произведениях искусства», а также сохранение произведений искусства, «вышедших из круга жизни», то есть образование постоянных музеев³.

По итогам совещания была составлена комиссия для мотивировки принятой в его ходе резолюции и разработки вопросов, связанных с организацией самостоятельного Ведомства изящных искусств. Ее первое заседание прошло 10 марта 1917 г. Собравшиеся решили не ограничиваться мотивировкой, но и подготовить проект временной организации ведомства, «осуществимой еще в условиях переходного времени». Решено было вести работу по семи подкомиссиям, одна из которых была посвящена музейному делу и охране памятников. Предполагалось, что такие подкомиссии должны подготовить доклады по своей проблематике, которые могли бы служить «собранию и критической проверке фактических данных и доводов в пользу или против учреждения самостоятельного ведомства искусств». Комиссия должна была свести выводы разных подкомиссий в единую докладную записку, которую следовало подать «Правительству или Всероссийскому Съезду деятелей искусств или другому компетентному в решении этих вопросов учреждению»⁴.

В состав музейной подкомиссии первоначально вошли такие видные музейные деятели, как искусствовед и издатель журнала «Старые годы» П. П. Вейнер, основатель Института В. П. Зубов, сотрудники Художественного отдела Музея императора Александра III П. И. Нерадовский и Н. Н. Пунин, антиковед М. И. Ростовцев (председатель), директор Эрмитажа Д. И. Толстой и сотрудник эрмитажной Картинной галереи Д. А. Шмидт. Вскоре состав ее был расширен и в работе приняли участие также Ф. Г. Беренштам, Э. О. Визель, О. Ф. Вальдгауер, А. А. Миллер, Н. М. Могилянский, К. К. Романов, финский ученый А. М. Тальгрэн, приславший доклад по почте, С. Н. Тройницкий, Б. В. Фармаковский, В. Я. Чемберс, В. В. Баргольд и другие⁵.

Члены подкомиссии сконцентрировались на трех блоках вопросов: музейном деле, охране памятников и археологических раскопках. Именно в рамках работы этой подкомиссии и был сделан рассматриваемый доклад В. Т. Георгиевского (1861–1923). Его участие в работе собрания не было случайностью. В. П. Зубов, вспоминая об основании Института в 1913 г., в числе небольшой группы «друзей, сплотившихся вокруг... в этот первый год», упоминал и его: «Жизнерадостный, слегка елейный, Василий Тимофеевич Георгиевский, составивший себе славу тем, что открыл фрески Дионисия в Ферапонтовом монастыре»⁶.

³ Там же. С. 43–51.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 56–58.

⁶ Зубов В. П. Страдные годы России. М., 2004. С. 97.

Будучи с 1907 г. членом Училищного совета при Святейшем Синоде, В. Т. Георгиевский как помощник наблюдателя церковноприходских школ неоднократно совершал рабочие поездки по самым разным епархиям Российской империи и имел прекрасную возможность на местах знакомиться как с памятниками церковного искусства, так и с условиями их современного бытования. Он состоял членом целого ряда научных обществ и с конца XIX в. активно выступал как исследователь и публикатор древнерусского искусства. Как справедливо отмечал В. П. Зубов, самым значительным его достижением стало «открытие» фресок Дионисия в Ферапонтовом монастыре, опубликованных ученым в 1911 г.⁷ Понимая значимость изучения древнерусского искусства для возрождения современной иконописи, В. Т. Георгиевский активно участвовал в работе Комитета попечительства о русской иконописи. Своим «духовным учителем» в науке он считал Н. П. Кондакова. Просветительский пафос был характерен для всей его деятельности.

Поэтому неслучайно, что В. Т. Георгиевский оказался в числе тех, кто стоял у истоков нового учебного заведения. В первом – весеннем – семестре 1913 г., которым и открылась деятельность Института, среди читавшихся курсов значился и его курс по истории русской иконописи (что было вполне характерно для момента «открытия» древнерусской живописи рафинированной культурой рубежа веков)⁸. В следующем учебном году В. Т. Георгиевский не только повторил этот курс, но и вел практические занятия со слушателями по русской иконописи в Русском музее. В 1915–1916 г. он читал курс «История русской живописи: новгородский период». В 1916–1917 г. и 1917–1918 г. вновь читал лекции по истории древнерусской живописи/ иконописи новгородского периода и вел практические занятия⁹. В 1918–1919 г. он несколько конкретизировал тематику и предложил два курса: «Обзор памятников новгородской иконописи, миниатюры и литургического шитья» и «Строгановские мастера-иконописцы», а также проводил практические занятия по изучению иконописного стиля древнерусских мастерских в иконописных собраниях Петрограда¹⁰.

Когда в августе 1916 г. Министерством просвещения был утвержден устав Института, В. Т. Георгиевский стал одним из восьми первых его профессоров¹¹ и вошел в состав

⁷ Подробнее о биографии В. Т. Георгиевского см.: *Аксенова Г. В.* Василий Тимофеевич Георгиевский – исследователь, педагог, наставник. К вопросу об особенностях путешествия по России князя Олега Константиновича // *Константиновские чтения* – 2017: Жизнь, отданная служению России: Сборник материалов научной конференции 25 октября 2017 года. СПб., 2017. С. 151–171. – О его работах в Ферапонтовом монастыре: *Пятницкий Ю. А.* В. Т. Георгиевский и Ферапонтово // *Сохранение росписей Дионисия 1502 года в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. Материалы международной научно-методической конференции (13–15 сентября 2011 года, Кириллов-Ферапонтово). М., 2012. С. 29–49.*

⁸ Краткий отчет о деятельности Российского Института Истории Искусств // *Задачи и методы изучения искусств.* Пг., 1924. С. 172.

⁹ Занятия 1916–1917 учебного года в Русском музее проводились по воскресеньям, с 13:00 до 14:00. См.: Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее – ЦГАЛИ СПб). Ф. 82. Оп. 1. Д. 5. Л. 6 об. – В следующем году практические занятия по курсу «Иконопись Новгородского периода (стенописи, иконы, миниатюры, шитье)» проходили по воскресеньям с 13:00 до 15:00. См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 5. Л. 13 об.

¹⁰ Краткий отчет о деятельности Российского Института Истории Искусств. С. 202–203. – Кроме Русского музея планировалось проводить занятия на базе Музея Штиглица и др. См.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 35. Л. 3.

¹¹ Краткий отчет о деятельности Российского Института Истории Искусств. С. 174.

Совета Института¹². Читал он доклады и на открытых заседаниях этого Совета. Так, 13 февраля 1919 г. его выступление было посвящено теме «Крестный ход Иоанна III и Софии Палеолог с иконой Одигитрии (шитая пелена XV в. в Московском Историческом Музее)»¹³. Участвовал он и в обсуждении чужих докладов¹⁴. В. Т. Георгиевский заботился о пополнении институтской библиотеки. В феврале того же 1919 г. по его докладу было принято решение о приобретении библиотеки недавно скончавшегося Н. В. Покровского – видного специалиста в области церковного искусства и фактического создателя церковной археологии как научной дисциплины в России. Менее чем в недельный срок библиотека (более 2 500 томов «преимущественно археологического и художественно-исторического содержания») была приобретена и перевезена на Исаакиевскую площадь, в помещение Института¹⁵.

Завершение сотрудничества с Институтом, вероятно, было связано с переездом ученого в Москву, где В. Т. Георгиевский с 1 сентября 1919 г. занял должность хранителя древних тканей в Оружейной палате¹⁶. «Сближение» с Москвой началось для ученого вскоре после революции. Еще летом 1918 г. он принял предложение И. Э. Грабаря войти в состав Комиссии по сохранению и раскрытию древней живописи в России и сразу же активно включился в ее деятельность. 28 августа 1918 г. в Институте было получено его письмо с вопросом, будет ли там исполняться распоряжение Наркомпроса об отсрочке начала занятий до 10 октября, так как раньше этого времени в Петроград В. Т. Георгиевский вернуться не мог, будучи командированным Художественной коллегией Наркомпроса в Кириллов и Ферапонтов монастыри для занятий в Комиссии по охране и реставрации памятников искусства и старины¹⁷. Постскриптом письма ярко характеризует труды и дни ученого этого времени: «Во Владимире мы нашли новые фрески А. Рублева, расчистили иконы XII и XIII вв. Боголюбовскую и Максимовскую и фрески изумительные по своей красоте XII в. в Дмитриевском соборе. Все это я надеюсь сообщить и показать в Институте и слушателям»¹⁸. Вероятно, 15 сентября 1918 г. в Институт им была отправлена телеграмма с просьбой объявить лекции с 19-го, в которой отмечалось: «Фотографирую иконы рублева дионисиевы»¹⁹. Совмещать службу в петроградском Институте с работой в московских памятникоохранительных органах и частыми разъездами было сложно, так что с начала 1919 г. тесная связь В.Т. Георгиевского с Институтом прерывается²⁰.

В Институте, однако, на кафедре древнерусского искусства Разряда истории изобразительных искусств продолжала учиться/служить его дочь, Е. В. Дружинина-Георгиевская,

¹² ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 13. Л. 21 об.

¹³ Краткий отчет о деятельности Российского Института Истории Искусств. С. 189.

¹⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 36. Л. 73–73 об.

¹⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 35. Л. 23, 25–25 об., 28 об.

¹⁶ *Вздорнов Г. И.* Георгиевский Василий Тимофеевич // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 10. С. 654–655. (URL <http://www.pravenc.ru/text/162161.html> (дата последнего посещения – 04.03.2023)).

¹⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹ Там же. Л. 6.

²⁰ О позднем периоде в жизни В.Т. Георгиевского см.: *Кызласова И. Л.* История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930-е годы: По материалам архивов. М., 2000. С. 184–219.

также занимавшаяся изучением культурного наследия Древней Руси²¹. А на кончину ученого, последовавшую в конце 1923 г., коллеги и ученики по Институту (Д. В. Айналов, Н. П. Сычев, В. Н. Нечаев и Л. Д. Яковкина) откликнулись рядом докладов, прочитанных 19 мая 1924 г. на открытом заседании Разряда истории изобразительных искусств²². Причем бывшие студенты вспоминали В. Т. Георгиевского как учителя, «впервые открывшего им глаза на древнерусскую иконопись»²³.

Таким образом, как видим, у В. Т. Георгиевского были достаточно тесные связи с Институтом на первом этапе его существования и участие ученого в работе комиссии, созданной на базе Института, не было случайным. Обращение к теме охраны церковных памятников также было для него вполне закономерным. Еще в январе 1890 г. на пленарном заседании VIII Археологического съезда В. Т. Георгиевским было инициировано обсуждение проблем сохранения церковных древностей и отмечена огромная роль просветительской деятельности в этом направлении. Организаторы форума тогда же поручили докладчику разработать типовое положение об устройстве епархиальных музеев²⁴. Принимал он участие и в целом ряде государственных инициатив, связанных с этой проблемой, о которых упоминается в публикуемом ниже докладе.

Следует отметить, что текст этого доклада уже привлекал внимание исследователей. В 1994 г. М. П. Ирошниковым и В. П. Ярошецкой была опубликована небольшая подборка материалов, связанных с разработкой в Институте весной–летом 1917 г. проекта Министерства искусств²⁵. Среди прочих, опубликован в ней был и доклад В. Т. Георгиевского²⁶, однако довольно курьезным образом. Публикаторы подготовили первую часть доклада, сохранившуюся на Л. 183–196 дела 9, сопроводив ее следующим указанием: «На этом текст обрывается. Последние листы рукописи не сохранились»²⁷. Парадоксальным образом, опытные архивисты не заметили, что окончание доклада сохранилось в другом архивном деле (дело 8), включающем еще одну часть материалов того же совещания. Таким образом опубликована оказалась лишь та часть доклада, в которой В. Т. Георгиевский излагает перипетии истории проектирования органов охраны церковного наследия в России начала XX в. Окончание доклада, впервые публикуемое ниже, содержит краткий перечень наиболее значимых хранилищ такого рода, составленный на основании многочисленных рабочих поездок самого В. Т. Георгиевского, а также его собственные предложения по упорядочению и централизации дела охраны памятников церковного наследия в России. Эти последние, несмотря на краткость,

²¹ Краткий отчет о деятельности Российского Института Истории Искусств. С. 188.

²² ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 149. Л. 18.

²³ Там же. Л. 19.

²⁴ Шаманаев А. В. Вопросы охраны культурного наследия на всероссийских археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX в.). Екатеринбург, 2017. С. 75–76.

²⁵ Ирошников М. П., Ярошецкая В. П. 1) «В сознании высокого долга и прекрасной цели». Материалы совещания деятелей искусства и науки в Петрограде. Март 1917 г. // Исторический архив. 1994. № 2. С. 168–185; 2) «В сознании высокого долга и прекрасной цели». Материалы совещания деятелей искусства и науки в Петрограде. Март 1917 г. (окончание) // Исторический архив. 1994. № 3. С. 87–103.

²⁶ Ирошников М. П., Ярошецкая В. П. «В сознании высокого долга и прекрасной цели». Материалы совещания деятелей искусства и науки в Петрограде. Март 1917 г. (окончание). С. 87–92.

²⁷ Там же. С. 92.

представляют специальный интерес, так как, будучи помещенными в контекст общих дискуссий о путях развития музейного дела и охраны памятников в стране, позволяют выявить некоторые закономерности в данной области. Централизация управления культурным наследием, как следует и из доклада В. Т. Георгиевского, и из прочих материалов подкомиссии по музейному делу, являлась здесь одним из главных требований, озвучивавшихся самими профессионалами. Это позволяет по-новому взглянуть и на те реформы в области музейного дела, которые осуществлялись в стране в первые послереволюционные годы.

С учетом того, что именно целостный текст может дать верное представление о ходе мыслей и сути предложений В. Т. Георгиевского, а также в связи с отсутствием сколько-нибудь значительных откликов на первую публикацию части доклада, ссылок на которую в научной литературе практически нет, полагаю целесообразным ниже привести его полностью, впервые соединив две части, оказавшиеся рассредоточенными по двум архивным делам. В настоящей публикации все сокращения, не вызывающие сомнения, раскрыты. Орфография и пунктуация приведены к современным стандартам. Подчеркиваниями переданы таковые в рукописи. Знаками ** – вычеркнутое.

В. Т. ГЕОРГИЕВСКИЙ²⁸

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ЦЕРКОВНОГО ИСКУССТВА И ПОЛОЖЕНИЕ ПРО- ВИНЦИАЛЬНЫХ ЦЕРКОВНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ

История древнерусского искусства в значительной мере в силу особого развития жизни церковно-общественной в Древней Руси основывается на изучении памятников искусства церковного. Стадии развития этого искусства, упадок и процветание – всего яснее видны при изучении памятников искусства церковного, сохранившихся в древних церквях, соборах и, в особенности, в ризницах богатых и знатных лавр и монастырей.

Ввиду этого вопрос об охране этих памятников от гибели, разрушения или искажения, а также доступность изучения их для всех, интересующихся искусством, приобретает особо важное значение. Несмотря на это, факты плохой сохранности ризниц церквей и монастырей, искажения или совершенного уничтожения хранящихся в них нередко драгоценных памятников искусства за последнее время так общеизвестны, что и в печати, и в научной среде и в обществе не раз поднимались негодующие голоса, требовавшие устранения этих печальных антикультурных явлений. К сожалению, правительство было глухо к этим требованиям, и до сих пор судьба памятников церковных остается необеспеченной.

Между тем в древней Московской Руси охрана церковного имущества, соборных и монастырских ризниц, в особенности церквей древних и знаменитых, была обставлена гораздо лучше, чем в настоящее время. До наших времен от XVI–XVII вв. дошли сотни официальных описей церковных и монастырских ризниц, подробно описывающих церковную утварь, иконы, кресты, богослужебные сосуды, священнические облачения, шитье с шелками, золотом и серебром, воздухи, плащаницы, пелены и проч. Эти описи составляют официальные акты периодических правительственных ревизий ризниц и библиотек церквей и монастырей, производившихся по указу государей московских нарочито командированными для того дьяками с понятными людьми, обычно

²⁸ Вписано карандашом.

избираемыми из соборной братии монастырей и церквей, скреплявшими по листам и в конце своими собственноручными подписями достоверность этих описей. Иногда эти ревизии производились по указу епархиальных преосвященных, периодически или после пожаров и других общественных бедствий, – точно такие же подробные описи составлялись соборной братией при сдаче церковной утвари и церковного имущества после смерти монастырских ризничих или настоятелей новоизбранным лицам. Таким образом церковное имущество, ризничная утварь постоянно контролировались с одной стороны светским правительством, а с другой – епархиальной властью и самой соборной братией. В описях-актах этих ревизий отмечались все новые поступления в ризницы и церкви тех или других предметов церковной утвари, а также и те починки, изменения или реставрации, каким подвергались ризничные предметы за ближайшее к ревизии время. Самые описи составлялись по известному выработанному приказным строем шаблону и в настоящее время являются *ценными источниками* важными документами для оценки *предметов* памятников церковного искусства при датировке и проч. В особенности в этом отношении драгоценны древнейшие описи монастырских ризниц, сохранившие имена мастеров, выполнявших тот или другой предмет, или имена вкладчиков и жертвователей, дающие возможность делать заключения о местах изготовления этих предметов. Как на образчик такой драгоценной для истории русского искусства описи можно указать на опись ризницы и библиотеки Иосифова Волоколамского монастыря, составленную в 1545 г., спустя тридцать лет после смерти основателя монастыря Иосифа Волоцкого († 1515 г.), и заключающую в себе имена всех художников-иконописцев, писавших иконы в церковных иконостасах монастырских храмов, имена всех писцов и переплетчиков книг волоколамской библиотеки, дающие возможность установить среди дошедших до нас рукописей автографы таких лиц, как преподобный Иосиф Волоцкий, святой Гурий, архиепископ Казанский, Акакий, епископ Тверской, Нил Полев и другие. (Опись издана мною в приложении к сочинению «Фрески Ферапонтова монастыря»)»²⁹.

К сожалению, с учреждением Священного Синода охрана ризниц и библиотек церквей и монастырей представляет совсем другую картину. Коллегия экономии и другие распорядительные органы Священного Синода, ведавшие после Монастырского приказа монастырями, все внимание свое обратили лишь на эксплуатацию монастырских земель и угодий и совершенно оставили заботу о благосостоянии монастырских и соборных храмов, церковного имущества, церковной утвари, ризниц и библиотек. Во время секуляризации церковных земель и *вотчин* угодий при Екатерине II, раздававшей щедрою рукою монастырские вотчины своим любимцам и временщикам, при закрытии и уничтожении множества древних монастырей, их ризницы и библиотеки частью расхищались, частью передавались приходским церквям, в ведение коих переходили монастырские храмы, и мы не видим ни малейших забот правительства об охране монастырских ризниц закрытых в множестве монастырей реформами 1763–1764

²⁹ См.: Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911. С. 1–23 второй пагинации. – О книге см.: *Вздорнов Г. И.* Василий Тимофеевич Георгиевский и его книга «Фрески Ферапонтова монастыря» // Сохранение росписей Дионисия 1502 года в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря: Материалы международной научно-методической конференции (13–15 сентября 2011 года, Кириллов-Ферапонтово). М., 2012. С. 21–28.

и других годов. И это небрежение Священного Синода в охране памятников церковного искусства продолжалось и всю первую половину XIX в.

После целого ряда ученых экспедиций членов Археографической комиссии и ряда ученых издателей исторических актов, констатировавших печальное положение в смысле охраны памятников церковного искусства, ризниц и библиотек, церковных архивов, в 1853 г. 27 марта Священным Синодом было издано распоряжение о составлении повсеместно описаний ризниц церквей и монастырей и об образовании для этого особых по епархиям комитетов во главе с Центральным комитетом при Священном Синоде.

Но прошло целых пятнадцать лет, прежде чем этот указ Священного Синода, изданный в силу Высочайшего повеления, был выполнен на местах в епархиях, и требуемые описи были составлены епархиальными комитетами, и лишь 19 мая 1868 г. Священный Синод в заседании своем, заслушав доклад по делу об описании ризниц и учреждения комитетов, постановил передать все это дело особой Комиссии по описанию Синодального архива, поручив ей ведать эти описи и также руководить местными епархиальными комитетами, образованными на местах для составления описей, поручив им ближайшую заботу об охране памятников церковного искусства в епархиях. Но это постановление Священного Синода в жизни ничем не отразилось. Местные епархиальные комитеты, составив описи церковных ризниц, кстати сказать, весьма неудовлетворительные в научном отношении, более краткие, чем они составлялись в древности, считали дело свое выполненным и умерли своей естественной смертью. При этом, благодаря этим описям, хотя и косвенно, погибло множество наиболее драгоценных памятников древнерусского искусства. Составители описей, с разрешения епархиальных властей, «выключили из описей» все «ветхое» и «вышедшее из богослужебного употребления», и сотни и тысячи древних икон, священнических облачений, шитых плащаниц, пелен, воздухов и прочей художественной древней утвари было продано скупщикам-офонам или пошло на выжигу особым скупщикам из крестьян Богородицкого уезда Московской губернии, которые образовали целую артель для скупки и выжигания древнего золота из шитых древних утварей. Таковы были последствия бюрократических синодальных забот об охране памятников церковного искусства 1853 года.

В виду этого полного небрежения Священного Синода об охране памятников церковного искусства вопрос этот сделался предметом обсуждения целого ряда Археологических съездов. К сожалению, все ходатайства съездов к Священному Синоду о принятии соответственных мер к охране памятников церковной древности оставались без практических последствий – таковы же были и результаты ходатайств Археологических съездов о введении преподавания церковной археологии и религиозного искусства в духовно-учебных заведениях. Вершивший все дела в Священном Синоде единодержавно в течение последней четверти XIX века К. П. Победоносцев был враг церковной археологии и церковного искусства и все *попытки* ходатайства ученых обществ сделать что-либо об организации охраны памятников церковного искусства оставлял без ответа. Между тем в провинции, да и в столицах шло расхищение и гибель памятников церковного искусства. В ответ на единодушные упреки печати и опубликование целого синодика погибших в разных местах драгоценных предметов церковного искусства, Священный Синод составлял временные комиссии для разработки вопросов об охране памятников церковной старины, но все записки, составленные членами этих комиссий (Н. В. Покровским в 1895 г., А. Н. Львовым

в 1898 г. и др.), заслушанные в течение 1899, 1900 и 1901 гг. под председательством А. Ф. Бычкова, затем – графа С. Д. Шереметева, быстро отказавшегося от председательства, как только он понял, что работы этих комиссий обречены на бесплодность, не имели практических результатов, и на одном из последних докладов о мероприятиях, необходимых для охраны памятников церковного искусства, выработанных членами синодальной комиссии, обер-прокурором Победоносцевым была положена такая характерная резолюция (в августе 1901 г.): «с делом охраны памятников приостановиться». Как ближайший результат этой «приостановки» вскоре произошел скандальный и наделавший много шума случай распродажи драгоценных памятников древнерусского искусства из Смоленской архиерейской ризницы преосвященным Смоленским Петром, причем несколько шитых вещей и художественно выполненная древнерусскими мастерами плащаница очутились за границей. Вскоре после этого случая председательница Московского археологического общества графиня П. С. Уварова в апреле 1908 г. обратилась с всеподданнейшим ходатайством об объявлении «всех икон, окладов, риз и прочих предметов, находящихся в соборах, монастырях, церквях, их ризницах и древлехранилищах Российской империи государственной собственностью без права какого-либо отчуждения и со строжайшей ответственностью всех причастных лиц, начиная с местных преосвященных, за нарушение этого закона». На этом ходатайстве последовала высочайшая отметка: «заслуживает серьезного внимания». Об этом докладе и высочайшей резолюции было сообщено в начале 1908 г. председателем Совета министров обер-прокурору П. Извольскому и им была образована под председательством академика А. И. Соболевского Комиссия при участии почти всех видных представителей археологии и искусства, проживающих в Петрограде (академик Н. П. Кондаков, профессора Н. В. Покровский, Н. И. Веселовский, Н. В. Султанов, А. А. Дмитриевский, Н. П. Лихачев, Д. В. Айналов, Я. И. Смирнов, В. Т. Георгиевский, И. Е. Евсеев, архитекторы А. Н. Померанцев, М. Т. Преображенский, Г. И. Котов, А. В. Щусев, археолог А. А. Титов и другие), которые и приступили к выработке целого ряда мероприятий, направленных к охране памятников церковного искусства.

Одновременно с этим обер-прокурор Священного Синода поспешил оградить свое ведомство от притязаний графини Уваровой. В бумаге своей от 27 мая 1908 г. за № 4561 на имя председателя Совета министров он ответил следующее: «В возбужденном графиней Уваровой вопросе нужно различать две стороны: право собственности и дело охранения памятников церковной старины. Очевидно, что именно эта последняя задача вызвала предложение о такой крайней мере, как отобраение у церкви исторически принадлежащего ей имущества. Но, очевидно, такая неслыханная мера не может быть оправдана даже этой важной целью. Конечно, никогда не решатся посягнуть на эти священные права. Иной вопрос – охрана памятников старины, на важность которого указывает резолюция Его Императорского Величества. Это дело должно быть вполне организовано, задачу эту может и должна взять на себя сама церковь. Высшая церковная власть очень строго относится к этому делу, доказательством чего служит самый факт увольнения преосвященного Смоленского, допустившего ущерб местной архиерейской ризнице. Но не ограничиваясь этим, Священный Синод наметил меры к тому, чтобы подобные случаи в будущем были невозможны. Еще в 1906 г. состоялось определение Священного Синода о разработке вопроса о мерах охранения памятников церковной старины и выработанные ныне на заседаниях высочайше учрежденной комиссии

6, 20 и 27 марта 1908 г. с участием всех ученых сил Петрограда, мероприятия подлежат утверждению в самом непродолжительном времени».

В ответ на это в Совете министров 24 июня 1908 г. состоялся особый журнал со следующим определением: «1) возбужденное Императорским Московским археологическим обществом предположение об объявлении неотчуждаемой государственной собственностью всех икон, окладов, риз и прочих предметов, находящихся в соборах, монастырях, церквях, их ризниц и древлехранилищ Российской Империи, признать неподлежащим исполнению; 2) предоставить синодальному обер-прокурору просить Священный Синод о скорейшем принятии мер к усилению надзора за хранящимися в установлениях духовного ведомства памятниками русской старины». Государь при утверждении этого журнала против третьей строки второго пункта заключения, после слов «о скорейшем принятии мер» – собственноручно добавил «действительных», очевидно, хорошо зная халатное отношение Священного Синода к вопросу об охране памятников церковной старины.

Комиссия, образованная при Архиве Священного Синода с участием петроградских ученых сил, пришла к мысли организовать дело охраны памятников церковной старины посредством учреждения при Священном Синоде особой Архивно-археологической комиссии, которой и вверяется забота как об описании и издании церковных архивов, так и по охране памятников церковной старины. В помощь Центральной архивно-археологической комиссии должны быть утверждены во всех епархиях церковно-археологические комитеты, на обязанность коих возлагается наблюдение над памятниками церковной старины и забота об их охране и изучении, а также и распространение в провинции интересов, уважения и любви к церковной старине и посильное научное исследование отдельных памятников церковного искусства. Составлены и положения об этих провинциальных комитетах и о Центральной архивно-археологической комиссии, ведающей эти комитеты. Но мероприятия эти до сих пор не нашли всецело жизненного приложения, и епархиальные комитеты, хотя и возникли во многих епархиях, но образовались совершенно самостоятельно, благодаря местным провинциальным деятелям.

Главная причина нежизненности этих проектированных Комиссией епархиальных комитетов состоит в том, что все заботы о материальном обеспечении их возложены на почетного председателя – епархиального архиерея, который должен изыскать и денежные средства на нужды комитета, найти приличное помещение и для комитета, и для музея, если таковой будет открыт, и частные пожертвования по содержанию помещений комитета, охране, отоплению, освещению их и прочее (§§ 18, 26 и др. Проекта положения об епархиальных комитетах). Понятно, что епархиальным преосвященным, обремененным множеством епархиальных дел, таковые задачи не по силам, да и средств извлекать на местах не всегда легко.

Но тем не менее, не столько эти бюрократические мероприятия Синода, предпринимавшиеся крайне неохотно и не всегда целесообразно, сколько сама жизнь настойчиво требовала на местах разрешения на местах вопроса об охране памятников³⁰.

Не доверяя этим мероприятиям Священного Синода по вопросу об охране памятников церковного искусства, Министерство внутренних дел образовало в 1909 г. особую комиссию под председательством члена Совета МВД Гурлянда с участием

³⁰ Параграф вычеркнут теми же чернилами, которыми написан доклад.

представителей разных ведомств и в том числе и Священного Синода (К. Я. Здравомыслова и В. Т. Георгиевского) для выработки законопроекта об охране древностей вообще и в частности древностей церковных. Эта комиссия выработала этот законопроект, который был добавлен некоторыми статьями, составленными по поручению Священного Синода академиком А. И. Соболевским, *охранявшими* обеспечивающими права церкви по охране памятников церковного искусства; но представленный в Государственную думу он был в заседаниях особой Комиссии 9 и 12 апреля 1912 г. под председательством Е. П. Ковалевского рассмотрен и переработан в таком духе, что участие духовенства в проектируемом законом «Комитете по охране древностей» совершенно устранено. Это вызвало протест со стороны обер-прокурора Священного Синода и проект до сего времени не внесен на рассмотрение и утверждение Государственной думы. Лишь при обсуждении вопроса об отпуске из Государственного казначейства средств на сооружение пристройки к зданию Московской синодальной конторы для нахождения в нем Патриаршей библиотеки, Государственная дума в заседании 13 марта 1914 г. высказала пожелание о создании в Москве особого русского церковного древлехранилища, где бы должным образом могли быть помещены все важнейшие памятники церковной старины. Государственная дума предложила Священному Синоду детально обсудить этот вопрос и представить свои соображения Бюджетной комиссии Думы вместе со сметными предположениями 1915 г. Священный Синод в принципе одобрил учреждение центрального древлехранилища, с тем чтобы оно было и местом для безопасного хранения памятников церковного искусства и вместе с тем представляло бы все удобства для изучения этих памятников всеми желающими. Одновременно Синод обратился к епархиальным пресвященным с запросом, какие из имеющихся в церквях и монастырях и в ризницах предметы церковного искусства, вышедшие из богослужебного употребления, но имеющие научную и художественную ценность, могли бы быть переданы на хранение в это проектируемое вновь церковно-историческое древлехранилище. Эти запросы разосланы в течение 1915 г., но ответов до сих пор получено с мест очень мало, и это пожелание Государственной думы до сих пор еще не получило осуществления.

Неутомимая в своей энергии графиня П. С. Уварова, мало надеясь на выполнение нужных мероприятий духовным ведомством по охране памятников церковной старины, в феврале 1910 г. обратилась вновь с всеподданнейшим *докладом* ходатайством об издании дополнений к существующим законам об охране и реставрации памятников церковной архитектуры и вообще церковной старины, *разрешающих* повелевающих Московскому археологическому обществу ведать охрану и реставрацию памятников церковной старины в пределах Московского учебного округа, – и государь встретил, по-видимому, сочувственно это ходатайство графини, написав: «К докладу. Действительно, затрагиваемый здесь вопрос нужно упорядочить раз навсегда». Но когда эта резолюция была сообщена Священному Синоду, он энергично запротестовал против *вмешательства* контроля графини Уваровой по части охраны и реставрации памятников церковной старины, *и в этом упирал* ссылаясь на то, что «вмешательство Московского археологического общества в дело охраны памятников церковной старины не имеет юридической санкции» и доложил об этом государю, который меланхолично написал на докладе: «Подождем лучшего будущего». Так и на этот раз *энергия* энергичные действия графини П. С. Уваровой не достигли своей цели.

Вот все более или менее важные мероприятия по вопросу об охране памятников церковной старины и искусства. Все они носят на себе печать безжизненности, предпринимались крайне неохотно и случайно и, конечно, не достигали своей цели в той мере, в какой требовало самое существо дела и важность самого вопроса.

Но сама жизнь настойчиво требовала на местах того или иного решения этого вопроса, и вот, благодаря тому, что за последнюю четверть века наши духовные академии, имевшие особые кафедры³¹ по церковной археологии и литургике, выпустили целый кадр студентов, получивших достаточные сведения для того, чтобы ценить памятники церковного искусства, а многие из них прослушали курсы Археологического института и затем удалившись на службу в провинции стали близко к предметам церковного искусства и не могли уже равнодушно относиться к гибели и порче этих памятников и по собственной инициативе приняли участие в организации тех епархиальных учреждений, которые приняли на себя бескорыстную заботу об охране этих памятников, их регистрации и изучению.

На протяжении 1890–1916 гг. в провинциях открывается целый ряд епархиальных церковно-археологических комитетов, обществ и при них церковно-археологических древлехранилищ и церковных музеев. Любители церковного искусства получают возможность собирать памятники церковной старины, описывать их, регистрировать и охранять от гибели. Безукоризненная любовь к делу и энергия немногих провинциальных культурных деятелей превозмогает все препятствия и благодаря этой энергии в провинции в короткое время существования епархиальных комитетов собраны тысячи и десятки тысяч иногда ценных памятников церковного искусства, помещенные в епархиальных и статистических музеях, спасены от гибели и в будущем сделаются достоянием науки. В настоящее время таких комитетов и церковно-археологических музеев насчитывается в разных епархиях до 60. Большинство из них не раз посещено нами при объезде разных городов России. Приведем краткие данные о некоторых из них, наиболее важнейших:

1) На первом месте должно поставить Киевский церковно-археологический музей при Киевской духовной академии как старейший и наиболее богатый из провинциальных церковно-археологических музеев. Основанный в 1872 г. при местном церковно-археологическом обществе, музей ныне имеет до 1 300 рукописей и драгоценнейшие коллекции синайских и афонских икон, пожертвованных сюда известным ученым знатоком Востока Преосвященным Порфирием Успенским (между ними есть уники по древности и художественному значению), а также весьма ценные собрания икон А. Н. Муравьева, Сорокина и др. Душой музея в течении полустолетия является профессор Н. И. Петров, издавший в прошлом году в трех выпусках альбом достопримечательностей музея³².

2) Весьма известный Ростовский музей, существующий с 1883 г. в Белой палате и в соединенных с нею «княжских теремах», имеющий свыше 20 000 рукописей и предметов церковной старины.

³¹ На этом заканчивается часть доклада, сохранившаяся в: ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 9. Л. 183–196.

³² См.: *Петров Н. И.* Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев, 1912. Т. 1; 1913. Т. 2; 1914. Т. 3.

3) Подольский церковно-археологический музей, открытый в 1889 г. при местном епархиальном историко-статистическом комитете, существующий музей имеет свой капитал денег 20 000 рублей и ежегодную субсидию из средств свечного комитета 1 000 рублей и собрание до 770 предметов старины и помещается в хорошем помещении.

4) Новгородский церковно-археологический музей при Новгородском церковно-археологическом обществе несмотря на краткость существования (открыт в январе 1913 г., благодаря энергии своего учредителя архиепископа Новгородского Арсения), успел собрать много драгоценнейших памятников церковного искусства, в особенности высокохудожественных икон новгородских мастеров времени культурного расцвета Новгорода в XIV–XV вв.

5–6) Петроградский музей при Духовной академии и Музей при Александро-Невской лавре. Оба музея богаты ценными памятниками церковного искусства. Музей при академии имеет до 3 000 предметов (важнейшие описаны профессором Н. В. Покровским)³³. Древлехранилище – Музей при Александро-Невской лавре – собрал до 1 500 предметов, преимущественно петровского времени.

7) Тульская епархиальная палата церковных древностей, обязанная своим возникновением и большинством собранных здесь памятников церковной старины местному археологу Н. И. Троицкому.

8) Рязанское церковно-археологическое древлехранилище при Братстве св. Василия, несмотря на недавность открытия (19 января 1914 г.) имеет до 1 160 предметов церковной старины и помещается в пяти комнатах архиерейской ризницы.

9) Архангельский церковно-археологический комитет с древлехранилищем существует с 1886 г. Древлехранилище помещается в каменном здании Михайло-Архангельского монастыря. К сожалению, помещение сыро и мрачно. Древлехранилище обладает до 880 памятниками церковной старины (иконы, церковные одежды и проч.), в нем собрано до 700 рукописей и между ними хранится драгоценное Сийское пергаментное Евангелие 1339 г. с миниатюрой и до 30 000 грамот и других документов XV–XVIII вв.

10) Владимирское церковно-историческое древлехранилище при Братстве Александра Невского, существует с 1886 г. и собрало до 350 рукописей, 250 старопечатных книг и около 700 предметов церковной старины (икон, церковных врат, шитых пелен и проч.).

11) Вологодское древлехранилище при Братстве св. Спаса и Великоустюжское при Стефано-Прокопьевском братстве. Оба древлехранилища интересны своими собраниями икон, церковной утвари и другими памятниками церковной старины. К сожалению, и Вологодское, и Устюжское древлехранилища не располагают удобными помещениями. Устюжское – в Архангельском монастыре зимой не отапливается и обозрение в нем предметов церковной старины крайне затруднительно.

12) В Волынской епархии – два древлехранилища – в Луцке и Владимире Волынском.

13) Могилевский церковно-археологический музей имеет до 2 000 предметов, из них большинство относится к эпохе борьбы католичества с православием посредством

³³ См.: *Покровский Н. В.* Церковно-археологический музей Санкт-Петербургской Духовной Академии 1879–1909. СПб., 1909.

унии, и историк края найдет здесь чрезвычайно много ценных памятников униатского искусства.

14) Полтавский церковный историко-археологический комитет с 1906 г. и древлехранилище при нем с 1907 г. В числе рукописей имеет знаменитое Пересопницкое евангелие 1556 г., несколько предметов ценной древней церковной утвари и шитую плащаницу XV в.

15) Черниговское епархиальное древлехранилище и Церковно-археологическая комиссия, учрежденные в 1906 г., успели собрать до 4 000 предметов старины: древних икон, крестов, церковных блюд XIV и XV вв. и богатый отдел малороссийского шитья.

Таковые же собрания, более или менее бедные, имеются и в других 45 епархиях.

Все эти древлехранилища и музеи, учрежденные при деятельном участии местных любителей церковного искусства и старины, являются лишь зачатками настоящих, хорошо организованных и систематизированных музеев. Главный недостаток всех почти провинциальных музеев (за исключением немногих) – это отсутствие правильной организации в собрании и систематизации предметов, а затем в неудобстве для занятий по изучению памятников церковного искусства, зависящих от многих причин. Прежде всего большинство музеев не имеет своих помещений и ютится в случайных залах, отводимых епархиальным начальством то в зданиях духовных семинарий, то в епархиальных и братских домах, то в монастырях, в различных помещениях. Большинство этих помещений тесно, и неудобно, и неудобно для занятий.

Наконец, и лица, заведующие музеями, не всегда могут уделять достаточно времени для сопровождения посетителей музея, будучи заняты другой обязательной службой.

Но эти зачатки настоящих музеев могут сослужить ценную службу для охраны памятников церковного искусства, если будут правильно организованы и поставлены в лучшие материальные условия.

Заканчивая доклад, считаю долгом резюмировать сказанное и выразить следующие пожелания:

1) Необходимо образование особого центрального правительственного органа с широкими полномочиями и с достаточным бюджетом и кадром лиц, горячо преданных интересам искусства, на которых и должны быть возложены заботы об охране памятников искусства вообще и в частности искусства церковного, имевшего такое широкое развитие в жизни особенно Древней Руси.

2) Не предвещая вопроса об отчуждении в национальную собственность государства важнейших исторических памятников церковного искусства, хранящихся в богатейших ризницах древних соборов, церквей и монастырей (каковы – патриарших монастырей и лавр Троице-Сергиевой, Киево-Печерской, Нового Иерусалима, Тихвинского и др.), подчинить их надзору этого учреждаемого правительственного органа.

3) В Министерстве исповеданий учредить особый Исторический *художественный* комитет из лиц, преданных искусству, и поручить ему ближайший надзор и попечение о памятниках церковного искусства и заботу об их³⁴.

4) Ведению этого *комитета* Центрального ведомства должны подлежать и местные провинциальные церковные музеи, и древлехранилища – забота об их развитии и правильной организации.

³⁴ Данный пункт перечеркнут карандашом.

5) Немедленно приступить к составлению охранных описей сохранившихся до сих пор исторических памятников искусства в ризницах и в церквях соборных, приходских и монастырских.

6) Желательно *составить* приступить к научному и достойному изданию памятников церковного искусства³⁵.

Член Института истории искусств
графа В. П. Зубова в Петрограде В. Георгиевский

Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 82. Оп. 1. Д. 9. Л. 183–196; Ф. 82. Оп. 1. Д. 8. Л. 17–21 об.

Информация о статье

Автор: Ананьев, Виталий Геннадьевич – доктор культурологии, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия, Orc ID 0000-0001-7413-6339; e-mail: v.g.ananiev@gmail.com

Заголовок: В. Т. Георгиевский об охране памятников церковной старины: Проект 1917 года

Резюме: Статья посвящена проблеме охраны церковного наследия в России в 1917 г. В центре внимания находится доклад, подготовленный известным специалистом в области древнерусского искусства В. Т. Георгиевским (1861–1923) в рамках деятельности комиссии по созданию Министерства искусств, организованной при активном участии Института истории искусств (Петроград). В статье анализируется связь В. Т. Георгиевского с Институтом и его участие в работе по охране церковного наследия на рубеже XIX–XX вв. В. Т. Георгиевский дает подробную характеристику истории охраны церковного наследия в России в начале XX в., мероприятия, которые предлагались в этой области, характеризует обстоятельства их обсуждения и реализации. Он также перечисляет наиболее значимые собрания церковных памятников позднеимперского периода, что важно для понимания того, что представляла сеть таких собраний накануне революционных пертурбаций. Наконец, в завершении доклада В. Т. Георгиевский предлагает ряд мер, направленных на улучшение дела охраны церковного наследия в России. Эта часть доклада сформулирована кратко, однако имеет особое значение. Главная идея исследователя – централизация дела охраны памятников в масштабе всей страны. Документ позволяет понять связь проектов позднеимперского периода с политикой в области охраны памятников и музейного дела в первые годы Советской власти. Впервые полностью публикуется текст доклада, сохранившийся в фонде Института истории искусств в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: В. Т. Георгиевский, музей, памятник, наследие, Институт истории искусств, церковная археология

Литература, использованная в статье:

Аксенова, Галина Владимировна. Василий Тимофеевич Георгиевский – исследователь, педагог, наставник. К вопросу об особенностях путешествия по России князя Олега Константиновича // Константиновские чтения – 2017: Жизнь, отданная служению России. Сборник материалов научной конференции 25 октября 2017 года. Санкт-Петербург: Издательство Государственного комплекса «Дворец конгрессов», 2017. С. 151–171.

Ананьев, Виталий Геннадьевич. Институт истории искусств как центр музееведческой мысли Петрограда-Ленинграда конца 1910-х – 1920-х гг. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2001. 408 с.

Ананьев, Виталий Геннадьевич. Проект создания церковного музея на первой всероссийской конференции по делам музеев 1919 г.: К истории взаимоотношений музея и Церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. № 2. С. 126–132.

Вздорнов, Герольд Иванович. Василий Тимофеевич Георгиевский и его книга «Фрески Ферапонтова монастыря» // Сохранение росписей Дионисия 1502 года в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. Материалы международной научно-методической конференции (13–15 сентября 2011 года, Кириллов-Ферапонтово). Москва: Индрик, 2012. С. 21–28.

Зубов, Валентин Платонович. Страдные годы России. Москва: Индрик, 2004. 320 с.

³⁵ Пункт вписан карандашом.

Ирошников, Михаил Павлович; Ярошецкая, Виталия Петровна. «В сознании высокого долга и прекрасной цели». Материалы совещания деятелей искусства и науки в Петрограде. Март 1917 г. // Исторический архив. 1994. № 2. С. 168–185.

Ирошников, Михаил Павлович; Ярошецкая, Виталия Петровна. «В сознании высокого долга и прекрасной цели». Материалы совещания деятелей искусства и науки в Петрограде. Март 1917 г. (окончание) // Исторический архив. 1994. № 3. С. 87–103.

Каулен, Мария Елисеевна. Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. Москва: Луч, 2001. 163 с.

Кызласова, Ирина Леонидовна. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930-е годы. По материалам архивов. Москва: Издательство Академии горных наук, 2000. 440 с.

Любезников, Олег Анатольевич. Исаакиевский собор в 1917–1920-е гг. Архитекторы М. Т. Пресображенский, Н. П. Никитин, А. П. Удаленков и проблема музеефикации памятника. Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2017. 68 с.

Пивоварова, Надежда Валерьевна. Памятники церковной старины в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Из истории формирования музейных коллекций: 1850–1930-е гг. Москва: БуксМарт, 2014. 432 с.

Пятницкий, Юрий Александрович. В. Т. Георгиевский и Ферапонтово // Сохранение росписей Дионисия 1502 года в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. Материалы международной научно-методической конференции (13–15 сентября 2011 года, Кириллов-Ферапонтово). Москва: Индрик, 2012. С. 29–49.

Шаманаев, Андрей Васильевич. Вопросы охраны культурного наследия на всероссийских археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX в.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017. 199 с.

Information about the article

Author: Ananiev, Vitaly Gennadievitch – Dr. Sc. in Cultural Studies, Senior Research Fellow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, OrcID 0000-0001-7413-6339; e-mail: v.g.ananiev@gmail.com

Title: V. T. Georgievsky on preservation of religious heritage: The report from 1917

Summary: The article is devoted to the problem of preservation of religious heritage in Russia in 1917. The focus of the attention is a report on this topic, prepared by a prominent expert in the field of medieval Russian art V. T. Georgievsky (1861–1923). The report was prepared as part of the works of the Commission on the creation of the Ministry of Arts, organized with the active participation of the Institute of Art History (Petrograd). The article analyzes the relationship of V. T. Georgievsky with this Institute and his participation in the development of measures to protect religious heritage at the turn of the 19th – 20th centuries. In his report V. T. Georgievsky gives a detailed description of the history of the protection of church heritage in Russia at the beginning of the 20th century, the measures that were proposed and implemented in this area. The author of the report characterizes not only the results of these measures, but also the circumstances of their discussion and implementation. He also lists the most significant collections of ecclesiastical objects from the late imperial period. This is important for understanding what the network of such meetings was like on the eve of revolutionary upheavals. Finally, at the end of the report, he proposes some measures aimed at improving the protection of church heritage in Russia. This part of the report is succinct, but it is of particular importance. The main idea of V. T. Georgievsky is the centralization of the protection of monuments throughout the country. This is important for understanding the connection between the projects of the late imperial period and the policy in the field of monument protection and museum works in the early Soviet period. For the first time, the full text of the report from the archival fund of the Institute is published.

Keywords: V. T. Georgievsky, museum, monument, heritage, Institute of art history, church archaeology

References:

Aksenova, Galina Vladimirovna. Vasilij Timofeevich Georgievskiy – issledovatel', pedagog, nastavnik. K voprosu ob osobennostjakh putesthestviya po Rossii knyazya Olega Konstantinovicha [Vasilij Timofeevich Georgievskiy – researcher, pedagog, teacher. Towards the question of special features of the Russian trip of prince Oleg Konstantinovich], in *Konstantinovskie chtenija – 2017: Zhizn', otdannaya sluzheniyu Rossii*. Sbornik materialov nauchnoj konferencii 25 oktjabrja 2017 goda. Saint-Petersburg: "Dvorec kongressov" Publ., 2017. Pp. 151–171. (in Russian).

Ananiev, Vitaly Gennadievitch. *Institut istorii iskusstv kak centr muzevedcheskoj mysli Petrograda-Leningrada konca 1910-h – 1920-h gg.* [*The Institute of art history as a centre of museological thoughts of Petrograd-Leningrad in the end of 1910° – 1920°*]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2001. 408 p. (in Russian).

Ananiev, Vitaly Gennadievitch. Proekt sozdaniya cerkovnogo muzeya na pervoy vsrossiyskoy konferencii po delam muzeev 1919 g.: K istorii vzaimootnosheniy muzeya i Cerkvi [Project of setting up church museum, submitted at the First all-Russian conference on museums affairs in 1919: on the issue of history of relations between museum and church], in *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2011. Vol. 2. Pp. 126–132. (in Russian).

Iroshnikov, Mihail Pavlovich; Yarosheckaya, Vitaliya Petrovna. «V soznanii vysokogo dolga i prekrasnoj celi»: Materialy soveshchaniya deyatelay iskusstva i nauki v Petrograde. Mart 1917 g. [“Thinking on our high duty and bright goal”. The materials of meeting of arts and sciences workers in Petrograd. 1917, March], in *Istoricheskiy arhiv*. 1994. Vol. 2. Pp. 168–185. (in Russian).

Iroshnikov, Mihail Pavlovich; Yarosheckaya, Vitaliya Petrovna. «V soznanii vysokogo dolga i prekrasnoj celi». Materialy soveshchaniya deyatelay iskusstva i nauki v Petrograde. Mart 1917 g. (okonchaniye) [“Thinking on our high duty and bright goal”. The materials of meeting of arts and sciences workers in Petrograd. 1917, March (final part)], in *Istoricheskiy arhiv*. 1994. Vol. 3. Pp. 87–103. (in Russian).

Kaulen, Mariya Eliseyevna. *Muzei-khramy i muzei-monastyri v pervoye desyatiletie Sovetskoy vlasti* [*Museum-temples and museum-monasteries in the first decade of the Soviet power*]. Moscow: Luch Publ., 2001. 163 p. (in Russian).

Kyzlasova, Irina Leonidovna. *Istoriya otechestvennoy nauki ob iskusstve Vizantii i Drevney Rusi. 1920–1930-e gody: Po materialam arhivov* [*The history of Russian scholarship on the art of Byzantine Empire and Mediaeval Russia. 1920–1930°. Upon the archival materials*]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii gornykh nauk Press, 2000. 440 p. (in Russian).

Lyubeznikov, Oleg Anatolyevich. *Isaakiyevskiy sobor v 1917–1920-e gg. Arhitektory M. T. Preobrazhenskiy, N. P. Nikitin, A. P. Udalenkov i problema muzeyefikacii pamyatnika* [*St. Isaac's Cathedral in 1917–1920s. Architects M. T. Preobrazhenskiy, N. P. Nikitin, A. P. Udalenkov and the problem of musealisation of the monument*]. Saint-Petersburg: LEMA Publ., 2017. 68 p. (in Russian).

Pivovarova, Nadezhda Valeryevna. *Pamyatniki cerkovnoy stariny v Peterburge – Petrograde – Leningrade. Iz istorii formirovaniya muzeynykh kollekcij: 1850–1930-e gg.* [*The monuments of church history in Petersburg — Petrograd — Leningrad. From the history of formation of museum collections: 1850–1930°*]. Moscow: BuksMart Publ., 2014. 432 p. (in Russian).

Pyatnitskiy, Yuriy Aleksandrovich. V. T. Georgievskiy i Ferapontovo [V. T. Georgievsky and Ferapontovo], in *Sohraneniye rospisey Dionisiya 1502 goda v sobore Rozhdestva Bogorodicy Ferapontova monastyrya: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii (13–15 sentyabrya 2011 goda, Kirillov-Ferapontovo)*. Moscow: Indrik Publ., 2012. Pp. 29–49. (in Russian).

Shamanaev, Andrey Vasilyevich. *Voprosy ohrany kul'turnogo naslediya na vsrossiyskikh arheologicheskikh s'ezdakh (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [*The problems of preservation of cultural heritage at all-Russian archaeological congresses (the second part of 19th – the beginning of 20th century)*]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2017. 199 p. (in Russian).

Vzdornov, Gerol'd Ivanovich. Vasilii Timofeevich Georgievskiy i ego kniga «Freski Ferapontova monastyrya» [Vasilii Timofeevich Georgievsky and his book “The murals of the Ferapontov Monastery”], in *Sohraneniye rospisey Dionisiya 1502 goda v sobore Rozhdestva Bogorodicy Ferapontova monastyrya: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii (13–15 sentyabrya 2011 goda, Kirillov-Ferapontovo)*. Moscow: Indrik Publ., 2012. Pp. 21–28. (in Russian).

Zubov, Valentin Platonovich. *Stradnye gody Rossii* [*Russia's years of sorrows*]. Moscow: Indrik Publ., 2004. 320 p. (in Russian).